

Человек в коричневом костюме

Автор:

[Агата Кристи](#)

Человек в коричневом костюме

Агата Кристи

Полковник Рейс #1

Две смерти – обыденная и загадочная. Пассажир метро, упавший под колеса поезда, и странное убийство туристки в старинном английском замке. Казалось бы, как могут быть связаны между собой столь разные происшествия? Ключ к разгадке тайны – человек в коричневом костюме!

Агата Кристи

Человек в коричневом костюме

Пролог

Надина, русская танцовщица, в одночасье завоевавшая Париж, выходила под гром аплодисментов и кланялась, кланялась... В знак одобрения французы продолжали хлопать и после того, как занавес с шелестом опустился, скрыв причудливые красно-синие декорации.

Танцовщица в развевающихся оранжево-голубых одеждах прошла за кулису. Бородатый джентльмен в восторге обнял ее. Это был импресарио.

– Прекрасно, крошка, прекрасно! – вскричал он. – Сегодня ты превзошла себя.

И импресарио с привычной галантностью поцеловал ее в обе щеки.

Мадам Надина, давно привыкшая к похвалам, непринужденно приняла очередную порцию комплиментов и прошла в уборную, заваленную цветами и завешанную прелестными футуристическими костюмами, в воздухе витал запах лилий, изысканных духов и разгоряченного тела. Костюмерша Жанна, переодевая Надину, тараторила без умолку, обрушивая на нее потоки неприкрытой лести.

Ее словоизлияния прервал стук в дверь. Жанна пошла открывать и вернулась с чьей-то визитной карточкой.

– Мадам примет?

– Дай-ка взглянуть...

Танцовщица рассеянно протянула руку, но, увидев надпись «граф Сергей Павлович», неожиданно встрепенулась, в ее глазах промелькнул интерес.

– Я приму его. Принеси мой желтый пеньюар, и поживее. Впустишь графа и можешь быть свободна.

– Хорошо, мадам.

Жанна принесла пеньюар из роскошного золотистого шифона, отделанного мехом горносталя. Надина накинула его, улыбнулась каким-то своим мыслям и села за туалетный столик. Ее длинные белые пальцы легли на черную мраморную столешницу...

Граф не замедлил воспользоваться оказанной ему честью. Роста он был среднего, очень стройный, элегантный, бледный и чрезвычайно усталый. Внешне он ничем особенно не выделялся, такие лица обычно не запоминаются. Граф с преувеличенной учтивостью склонился над рукой танцовщицы.

– Мадам, вы доставили мне истинное наслаждение.

Это было все, что смогла услышать Жанна, закрывая за собой дверь. Когда Надина осталась наедине со своим гостем, улыбка ее чуть-чуть изменилась.

– Хотя мы с вами и «соотечественники», думаю, нам не обязательно говорить по-русски, – сказала она.

– Думаю – да, – усмехнулся визитер.

Едва они по обоюдному согласию перешли на английский, стало понятно, что это родной язык графа. Павлович удобно расположился в кресле напротив Надины и чуть расслабился.

– Вы правда были сегодня в ударе, – заметил граф. – Поздравляю.

– И все же, – вздохнула женщина, – мне как-то не по себе. Мое положение уже совсем не то, что раньше. Подозрения, вспыхнувшие во время войны, так до конца и не рассеялись.

– Но ведь обвинение в шпионаже вам так и не было предъявлено?

– Нет, конечно, наш шеф слишком осторожен.

– Да здравствует Полковник! – улыбнувшись, провозгласил граф. – Удивительно, что он решил уйти на покой, правда? На покой, как врач, мясник, водопроводчик...

– ...или какой-нибудь делец, – подхватила Надина. – Впрочем, мы не должны удивляться. Полковник всю жизнь был прекрасным дельцом. Он организовывал преступления, как кто-нибудь другой организовал бы, скажем, работу обувной фабрики. Оставаясь в тени, он задумал и довел до успешного конца целый ряд крупных операций в самых разных областях своей, если можно так выразиться, «профессиональной деятельности». Кража драгоценностей, подделка документов, шпионаж (весьма выгодный бизнес в военное время), саботаж, тайные убийства – чем он только не занимался! Мудрейший из мудрецов, наш Полковник знает, когда нужно остановиться. Дело попахивает керосином? Что ж, он изящно выходит из игры... причем сколотив себе огромное состояние!

– Гм-м, – задумчиво протянул граф, – все это звучит для нас довольно неутешительно. Похоже, мы окажемся без работы.

– Но с очень даже приличным выходным пособием, – молвила Надина с какой-то затаенной издевкой в голосе. Мужчина бросил на нее быстрый взгляд. Надина тихонько улыбалась, и что-то в этой улыбке возбудило его любопытство. Однако он не подал виду.

– Да, Полковник всегда щедро расплачивался с подчиненными, – дипломатично заметил граф. – По-моему, его успех во многом объясняется именно этим... этим и тем, что он всегда заранее подыскивает подходящего козла отпущения. Да, Полковник, несомненно, великий ум, несомненно! Кроме того, он свято придерживается принципа «Залог безопасности – личное неучастие». Так что теперь мы полностью в его власти. У Полковника на нас компромата хоть отбавляй, а у нас на него – полный ноль.

Граф выдержал паузу; казалось, он ждал, что Надина возразит ему, но она промолчала, все так же улыбаясь своим мыслям.

– Мы бессильны против него, – задумчиво произнес граф. – И все же, скажу я вам, старик суеверно чего-то боится. Насколько мне известно, много лет назад он ходил к гадалке, и она напроорочила ему удачу, но предупредила, что в конце концов ему суждено пасть жертвой некой женщины.

Последние слова заинтриговали Надину. Она с жадным любопытством взглянула на графа.

– Странно, очень странно... Вы говорите, женщины?

Граф улыбнулся и пожал плечами:

– Так ведь, уйдя на покой, он обязательно женится. Выберет себе какую-нибудь юную светскую красавицу, которая растратит его миллионы куда быстрее, чем бедняга их накапливал.

Надина покачала головой:

- Нет-нет, так дело не пойдет. Знаете что, мой друг? Я завтра же еду в Лондон...

- А как же ваш здешний контракт?

- Я уеду всего на одну ночь. Отправлюсь инкогнито, как какая-нибудь царственная особа. Никто и не узнает, что я покинула Францию. Угадайте, зачем я поеду?

- Ну, наверно, не для развлечения. В январе там погода прескверная, сплошные туманы. Думаю, поездка деловая, не так ли?

- Совершенно верно. - Надина поднялась с кресла и повернулась к графу, всем своим видом выражая горделивое высокомерие. - Вы сказали, что ни у кого из нас нет компромата на шефа. Так вот, вы ошиблись. У меня - есть! У меня - у женщины! - хватило ума и мужества, потому что без мужества тут не обойтись. Я перехитрила Полковника. Помните историю с алмазами «Де Бирс»?

- Помню. Вроде бы она произошла в Кимберли прямо перед войной, да? Я не имел к ней отношения и не знаю подробностей. Почему-то дело замяли, так? Здорово же удалось поживиться грабителям!

- Да уж, камни тянули на сотни тысяч фунтов. Мы обстряпали все вдвоем... конечно, под руководством Полковника. Тогда я и решила, что вот он, мой шанс... Понимаете, в наши планы входило заменить часть алмазов «Де Бирс» другими, вывезенными из Южной Америки, их добыли два молодых старателя, которые как раз оказались тогда в Кимберли. На них-то и должно было пасть подозрение.

- Очень умно, - с одобрением в голосе вставил граф.

- Полковник всегда действует с умом. Так вот, я сделала то, что полагалось... и еще кое-что в придачу. Полковник этого не предусмотрел. Я оставила у себя несколько южноамериканских камешков... парочка из них просто уникальны, можно легко доказать, что они никогда не проходили через фирму «Де Бирс». Пока эти алмазы у меня, наш глубокоуважаемый шеф в моей власти. Как только будет доказана невиновность тех молодых людей, подозрение падет на него. Все эти годы я молчала, довольствуясь тем, что держу, так сказать, камни за пазухой, но теперь обстоятельства переменялись. Я хочу получить

причитающуюся мне долю, и немалую... Я бы даже сказала: умопомрачительно большую!

- Потрясающе! - воскликнул граф. - Вы, конечно же, с этими алмазами никогда не расстаетесь?

Он как бы невзначай окинул взглядом неприбранную комнату.

- Ни в коем случае! - тихонько рассмеялась Надина. - Я же не идиотка. Алмазы спрятаны в надежном месте, никому и в голову не придет искать их там.

- Я никогда не считал вас идиоткой, моя дорогая, но позвольте заметить, что сейчас вы действуете довольно-таки безрассудно. Полковника шантажировать опасно.

- Я его не боюсь, - усмехнулась танцовщица. - Я вообще боялась в своей жизни только одного человека. Но теперь он мертв.

Мужчина поглядел на нее с любопытством и небрежно проронил:

- Будем надеяться, что он не оживет.

- Что вы имеете в виду? - вскрикнула танцовщица.

Граф сделал немного удивленное лицо.

- Я просто хотел сказать, что, воскресни он, вы оказались бы в затруднительном положении, - объяснил он. - Это была всего лишь глупая шутка.

Надина облегченно вздохнула:

- О нет, он точно мертв. Его убили на войне. Этот человек когда-то любил меня.

- Там, в Южной Африке? - небрежно спросил граф.

- Да, если вас это интересует. В Южной Африке.

- То есть на вашей родине, не так ли?

Она кивнула. Граф встал и потянулся за шляпой.

- Что ж, решайте сами, конечно, но я бы на вашем месте боялся Полковника куда больше, чем обманутых любовников. Таких людей довольно часто... м-м... недооценивают.

Надина язвительно усмехнулась:

- Как будто я его не успела изучить за эти годы?!

- А вдруг? - мягко заметил граф. - Я иногда очень даже в этом сомневаюсь.

- О, я далеко не глупа! И действую не в одиночку. Завтра в Саутгемптон прибывает почтовый пароход из Южной Африки, и на его борту будет человек, который приедет специально ради меня и готов выполнять мои приказания. Так что Полковнику придется иметь дело с двумя противниками.

- Вы считаете это умным ходом?

- Необходимым.

- А вы уверены в своем напарнике?

На губах танцовщицы заиграла многозначительная улыбка.

- Я в нем совершенно уверена. Толку, правда, от него мало, но доверять ему можно целиком и полностью, - сказала Надина и, выдержав паузу, добавила равнодушным тоном: - Видите ли, он вообще-то мой муж...

Меня со всех сторон осаждали просьбами описать приключившуюся со мной историю: и сильные мира сего (в лице лорда Нэсби), и «маленькие люди» (такие, как наша бывшая служанка Эмили, с которой мы виделись во время моего последнего приезда в Англию. «Ах, боже мой, мисс, что за шикарную книгу вы могли бы написать... Все прямо как в кино!»).

И действительно, кое-какие основания для этого имеются. Все происходило у меня на глазах, с самого начала и до победного конца я была в гуще событий. Ну а некоторые пробелы, к счастью, можно заполнить дневниковыми записями сэра Юстаса Педлера, которые он любезно предоставил в мое распоряжение.

А раз так, то – вперед! Анна Беддингфелд начинает повесть о своих приключениях...

Я всегда мечтала о приключениях. Ведь моя жизнь была такой однообразной, сущий кошмар! Папа, профессор Беддингфелд, считался крупнейшим в Англии специалистом по первобытным людям. Он был просто гений, это все признают. Мысленно он пребывал там, в эпохе палеолита, но тело его, увы, обитало здесь, в современном мире, и это составляло для папы главное жизненное неудобство. Современные люди его совершенно не интересовали. Папа даже человека эпохи неолита презирал, считая его обыкновенным пастухом. Нет, мой отец воодушевлялся только тогда, когда докапывался до мустьерского периода.

Но, к несчастью, совсем отгородиться от современников невозможно. Хочешь не хочешь, а нужно общаться с мясниками и булочниками, молочниками и зеленщиками. И поскольку папа жил, погрузившись в прошлое, а мама умерла, когда я еще лежала в пеленках, мне пришлось взвалить на себя все бытовые заботы. Честно говоря, я ненавижу людей эпохи палеолита, будь то человек ориньякской, мустьерской, шеллской или какой-нибудь другой культуры. И хотя я перепечатывала и правила почти всю папину рукопись под названием «Неандерталец и его предки», я этих неандертальцев терпеть не могу и очень рада, что они в незапамятные времена вымерли.

Не знаю, догадывался ли папа о моих чувствах по отношению к предметам его обожания. Наверное, нет. Впрочем, ему это в любом случае было бы безразлично. Он чужое мнение ни в грош не ставил. Пожалуй, такую особенность действительно можно считать признаком гениальности... Так же

наплевательски папа относился и к бытовым заботам. Он всегда послушно съедал поднесенный ему обед, отличался безукоризненными манерами, но, похоже, расстраивался всякий раз, когда возникал вопрос об оплате. Мы вечно сидели без денег. Папина известность не приносила дохода. Хотя он являлся членом всех мало-мальски серьезных научных обществ и на его имя приходили пачки писем, широкая публика толком не знала о его существовании, а папины увесистые ученые труды, вносящие важный вклад в копилку человеческих знаний, не имели популярности в массах. Только однажды папа вдруг оказался в центре внимания. Он сделал доклад в каком-то научном обществе, речь шла о детенышах шимпанзе. Суть доклада сводилась к тому, что у маленьких детей обнаруживаются антропоидные черты, а детеныши шимпанзе похожи на людей гораздо больше, чем взрослые особи. Судя по всему, полагал мой отец, это означает, что если наши предки во многом обезьяноподобны, то предки шимпанзе стояли на эволюционной лестнице выше своих нынешних потомков. Иными словами, шимпанзе – выродки. Шустрые газетчики из «Дейли Баджет», охотившейся за сенсациями, тут же тиснули крупный заголовок: «Неужели не мы произошли от обезьян, а обезьяны от нас? Известный профессор утверждает, что шимпанзе – это деградировавшие люди». Вскоре после публикации к папе явился репортер и попытался убедить его написать несколько популярных статей на эту тему. Редко я видела папочку в таком гневе... Он весьма нелюбезно выставил репортера за дверь, чем вызвал мое тайное сожаление – ведь мы в ту пору были совсем на мели! Ей-богу, в какой-то момент я была готова догнать молодого человека и сказать ему, что отец передумал и согласен прислать нужные статьи. Я вполне могла бы написать их сама, и папа никогда не узнал бы о подлоге, поскольку не читал «Дейли Баджет». Однако этот вариант пришлось отвергнуть как слишком рискованный, и, надев свою самую нарядную шляпку, я уныло поплелась на переговоры с зеленщиком, который справедливо точил на нас зуб.

Репортер из «Дейли Баджет» был единственным молодым человеком, когда-либо переступавшим порог нашего дома. Я подчас остро завидовала Эмили, нашей миниатюрной служанке, которая при каждом удобном случае «ходила прошвырнуться» с верзилой-матросом, сделавшим ей предложение. Ну а в перерывах, чтобы (как она выражалась) «не терять форму», гуляла с подручным зеленщика и с младшим аптекарем. Я же с грустью думала о том, что мне «поддерживать форму» не на ком. Папины друзья были пожилыми профессорами, обычно почему-то длиннородыми. Однажды, правда, профессор Петерсон нежно обнял меня и, заявив, что у меня «ладненькая фигурка», попытался поцеловать. Но само это заявление говорило о том, что профессор Петерсон безнадежно устарел. Я с колыбели усвоила, что никакая

уважающая себя женщина не стремится иметь «ладненькую фигурку».

Я мечтала о приключениях, о любви и о романтике, а в жизни меня, похоже, ждали только серые будни. Неподалеку от нашего дома имелась библиотека, где было навалом затрепанных бульварных романов, и я упивалась чужими рассказами о любви и об опасностях, а во сне видела суровых, молчаливых родезийцев, сильных мужчин, которые всегда «сражают врага одним ударом». У нас вряд ли кто-нибудь мог «сразить врага», неважно, одним ударом или несколькими.

Еще у нас крутили кино, каждую неделю шла очередная серия «Приключений Памелы», Памела была потрясающей девушкой. Ничто ее не пугало! Она вываливалась из самолета, плавала на подводной лодке, забиралась на крышу небоскреба и не моргнув глазом опускалась на самое «дно» общества. Умом Памела, правда, не блистала, и главарь преступного мира всякий раз ловил ее. Но, поскольку ему было неинтересно просто стукнуть ее по голове – и все, он либо приговаривал бедняжку к смерти в канализационной трубе, либо изобретал еще какие-нибудь новые удивительные способы, и к началу следующей серии герою обязательно удавалось освободить Памелу. Я выходила из кинотеатра, и голова у меня шла кругом от бредовых фантазий, но, вернувшись домой, я обнаруживала извещение газовой компании: она грозилась отключить нам газ, если мы не погасим задолженность!

И все же, хоть мне это и было невдомек, приключения приближались...

Вероятно, мало кто слышал, что в Северной Родезии, в шахте Броукен-Хилл, обнаружили череп первобытного человека. Однажды утром я застала папу в таком волнении, что его в любую минуту мог хватить удар. Он тут же выложил мне все новости:

– Понимаешь, Анна? Этот череп, конечно, похож на тот, что нашли на Яве, но сходство поверхностное, чисто внешнее! Нет, здесь мы имеем дело с предшественником неандертальцев, я всегда так считал! Ты думаешь, «гибралтарский череп» самый древний из найденных неандертальских черепов? Но почему? Колыбель человечества находится в Африке. Оттуда неандертальцы пришли в Европу...

– Папа, не надо намазывать селедку повидлом! – торопливо перебила я, поймав отцовскую руку, рассеянно блуждавшую по столу. – Так о чем ты сейчас говорил?

– Они явились в Европу на... – Отец отправил в рот костлявый кусок, подавился и закашлялся.

– Мы выезжаем немедленно! – провозгласил папа в конце обеда, поднимаясь из-за стола. – Времени терять нельзя. Нам совершенно необходимо очутиться на месте, я уверен, что мы найдем там массу интересного! Любопытно, фауна там тоже типичная для мустьерского периода? Сдается мне, что мы обнаружим останки примитивных бизонов, а вовсе не шерстистых носорогов. Да, скоро туда отправится небольшая экспедиция. Но мы должны опередить их! Ты сегодня же пошлешь письмо в компанию Кука. Хорошо, Анна?

– А как насчет денег, папа? – деликатно намекнула я.

Отец посмотрел на меня с укоризной.

– Одно расстройство мне с тобой, дитя мое! Ну, что у тебя за взгляды? Мы обязаны быть бесребрениками. Да-да, если занимаешься наукой, надо быть бесребреником!

– Но, по-моему, компания Кука так не считает, папа.

На отцовском лице появилась страдальческая гримаса.

– Моя милая Анна, ты заплатишь им наличными!

– У меня нет наличности, папа.

Отец вскипел от негодования.

– Дитя, я не могу вникать в эти вульгарные денежные вопросы!.. Вчера пришло письмо из банка... управляющий пишет, что у меня есть двадцать семь фунтов.

– Насколько я понимаю, речь идет о превышении твоего кредита.

– Ах, но у меня есть деньги, есть! Свяжись с моими издателями!

Я не стала спорить, хотя меня одолевали сомнения. Папины книги приносили больше славы, чем барышей. Но вообще-то идея поехать в Родезию мне очень даже приглянулась. «Суровые молчаливые мужчины», – в экстазе прошептала я... и заметила, что папа выглядит довольно экзотично.

– Да ты обулся в разные ботинки, папа! – воскликнула я. – Сними, пожалуйста, коричневый и надень черный. И не забудь кашне, сегодня холодно.

Через несколько минут папа был уже как следует обут и укутан и отправился на улицу.

Вернулся он поздно, и я в ужасе увидела, что ни шарфа, ни пальто на нем нет.

– Послушай, Анна, а ведь и правда! Я снял их перед тем, как залезть в пещеру. Там было так грязно...

Я с пониманием кивнула, вспомнив, как однажды папа вернулся, перепачкавшись глиной в буквальном смысле слова с головы до пят.

Кстати сказать, мы и поселились-то в Литтл-Хэмпсли в основном из-за того, что по соседству с поселком располагалась пещера, где было сделано много находок, относящихся к ориньякской культуре. У нас в поселке даже устроили маленький музей, и его хранитель вместе с папой целыми днями торчал под землей, извлекая на свет божий кости шерстистых носорогов и пещерных медведей.

...Весь тот вечер папа заходил в кашле, а наутро у него поднялась температура. Я послала за доктором.

Бедный папочка, ему не суждено было поправиться. Он заболел двусторонним воспалением легких и умер через четыре дня.

Ко мне все были очень добры. Я оценила это, несмотря на свое оглушенное состояние. Нет, я не очень убивалась. Ведь папа никогда меня не любил, и я это прекрасно знала. Если бы он относился ко мне с любовью, я бы платила ему взаимностью... Но невзирая на отсутствие любви, мы были друг к другу привязаны, я заботилась об отце и втайне восхищалась его ученостью и беззаветной преданностью науке. И мне было больно, что папа умер как раз тогда, когда его интерес к жизни достиг своего апогея. Я бы с легкой душой похоронила его в пещере рядом с наскальными рисунками, изображавшими оленя и кремневые орудия, но под давлением общественного мнения мне пришлось согласиться на аккуратненький холмик с мраморным надгробьем на унылом кладбище при нашей церкви. Викарий от чистого сердца пытался меня утешить, но тщетно.

Я не сразу осознала, что наконец обрела вожделенную свободу. Я осиротела и осталась почти без средств к существованию, но зато стала свободной. В то же время меня глубоко тронула удивительная доброта моих соседей-односельчан. Священник из кожи вон лез, убеждая меня, что его жене срочно нужна компаньонка. Крошечной местной библиотеке неожиданно понадобился дополнительный работник. Ну а в довершение всего ко мне нагрязнул доктор, который долго бекал, мекал, забавно оправдывался, говоря, что, конечно, он нарушает правила этикета... а потом предложил мне выйти за него замуж.

Его предложение меня безумно удивило. Доктору давно перевалило за тридцать, дело уже близилось к сорока. Это был кругленький, бочкообразный толстячок, совсем не похожий на героя из «Приключений Памелы» и уж тем более на сурового и молчаливого родезийца. Немного поразмыслив, я спросила, почему он решил жениться именно на мне. Доктор пришел в еще большее замешательство и пробормотал, что жена – хорошее подспорье для практикующего врача. Это выглядело еще менее романтично, но все же меня почему-то тянуло принять его предложение. Ведь мне предлагалась спокойная жизнь! Спокойная жизнь и уютный дом. Вспоминая теперь ту сцену, я думаю, что поступила несправедливо по отношению к маленькому толстячку. Он был искренне влюблен в меня, однако из-за ошибочных представлений о деликатности не афишировал свою любовь... Но тогда моя алкавшая романтики душа взбунтовалась.

– Вы удивительно добры ко мне, – сказала я, – но это невозможно. Я выйду замуж только за того, в кого влюблюсь до беспамятства.

– Значит, вам кажется, что вы...

– Нет, не влюблена, – жестко отрезала я.

Доктор вздохнул.

– Но что вы намерены делать, моя милая девочка?

– Я мечтаю увидеть мир, хочу приключений! – ответила я без тени колебаний.

– Мисс Анна, вы еще сущий ребенок! Вы не понимаете...

– Какие трудности встретятся на моем пути? О нет, я прекрасно все понимаю, доктор. Я не сентиментальная школьница, а очень практичная и, кстати, сварливая особа. Если бы вы на мне женились, я бы вам показала...

– О, если бы вы передумали...

– Нет, не могу.

Он вздохнул еще раз.

– Тогда у меня к вам другое предложение. Моей тете – она живет в Уэльсе – нужна помощница по хозяйству, молодая леди. Как вы на это смотрите?

– Отрицательно, доктор. Я поеду в Лондон. За приключениями надо ехать в Лондон! Я буду смотреть в оба, и – помяните мое слово! – что-нибудь да произойдет! В следующий раз я пришлю вам весточку из Китая или из Тимбукту.

Вслед за доктором меня посетил мистер Флемминг, папин адвокат из Лондона. Он специально приехал, чтобы повидаться со мной. Флемминг обожал антропологию и высоко ценил папины научные труды. Роста он был высокого, худощав, узколиц и седовлас. Когда я вошла в комнату, он встал и, взяв мои

руки в свои, ласково пожал их.

– Бедное дитя! О, мое бедное, бедное дитя!

Я неосознанно начала входить в роль обездоленной сиротки. Это на меня мистер Флемминг подействовал. Он излучал доброту, теплоту и отеческую заботу... И был совершенно уверен, что я глупенькая маленькая девочка, оставшаяся один на один с жестокосердным миром. Я сразу поняла, что переубеждать его бесполезно. И, судя по всему – как показал дальнейший ход событий, – сделала правильно, что не стала его переубеждать.

– Мое милое дитя, можете ли вы выслушать меня? Мне бы хотелось вам кое-что разъяснить.

– А... хорошо.

– Как известно, ваш отец был выдающийся человек. Потомки его оценят. Но, к сожалению, он не обладал деловыми качествами.

Я знала это, пожалуй, даже лучше мистера Флемминга, но от комментариев воздержалась.

Он продолжал:

– Вряд ли вы разбираетесь в подобных вопросах, так что я постараюсь говорить как можно понятней.

Мистер Флемминг начал вдаваться в ненужные подробности, из которых в конце концов стало ясно, что мне приходится вступать в жизнь, имея в кармане восемьдесят семь фунтов семнадцать шиллингов и четыре пенса. Сумма была весьма неубедительной. Я ждала продолжения разговора с некоторым трепетом, боясь, что у мистера Флемминга найдется где-нибудь в Шотландии тетушка, которой позарез нужна молоденькая компаньонка. Однако тети у адвоката не оказалось.

– Вопрос в том, – продолжал мистер Флемминг, – как устроить ваше будущее. У вас ведь нет родственников?

– Нет, я одна на свете, – сказала я и снова поразилась своему сходству с какой-нибудь киногероиней.

– А друзья у вас есть?

– Да, ко мне все были очень добры, – с благодарностью в голосе ответила я.

– Еще бы! Разве можно вести себя иначе с такой юной и очаровательной девушкой? – галантно заметил мистер Флемминг. – Ладно-ладно, моя дорогая, мы что-нибудь придумаем.

Мистер Флемминг слегка поколебался, но потом сказал:

– А что, если вам немного пожить у нас?

Я даже подпрыгнула – Лондон! Средоточие всяческих приключений!

– Как вы добры ко мне, – пробормотала я. – Неужели вы серьезно? Я побуду у вас только первое время, пока не осмотрюсь. Нужно же самой зарабатывать на хлеб, не правда ли?

– Да-да, мое милое дитя. Я вас понимаю. Мы подыщем вам что-нибудь... э-э... подходящее.

Я инстинктивно почувствовала, что наши с мистером Флеммингом представления о «подходящей работе» существенно различаются. Однако спорить было неуместно.

– Итак, решено. Кстати, почему бы вам не поехать со мной сегодня?

– О, благодарю, но как отнесется к моему появлению миссис Флемминг?..

– Жена будет рада.

Полагаю, мужья сильно заблуждаются, считая, что знают психологию своих жен. Я бы жутко разозлилась, если бы мой муж без предупреждения привел домой

бедную юную сиротку.

– Мы пошлем миссис Флемминг с вокзала телеграмму, – продолжал адвокат.

Мои скудные пожитки были упакованы в мгновение ока... Я печально воззрилась на свою шляпу, никак не решаясь ее надеть. Подобные шляпы я называю «кухаркиными». По-моему, в них только прислуге на прогулку выходить... но даже кухарки этого не носят! Черная соломенная шляпа давно потеряла какую бы то ни было форму, поля уныло провисли... Но вдруг мне пришла в голову гениальная идея: я стукнула по шляпе кулаком, потом как следует «намяла ей бока», приплюснула донышко и прицепила нечто схожее с кубистскими фантазиями на тему морковки. Получилось просто шикарно. Затем я отцепила морковку и принялась сглаживать следы своих злодеяний. В результате «кухаркина шляпа» обрела первоначальную форму, но стала еще более потрепанной и жалкой, мне хотелось как можно точнее соответствовать расхожему образу несчастной сиротки. Я побаивалась, что миссис Флемминг окажет мне не очень радушный прием, однако надеялась обезоружить ее своим видом.

Мистер Флемминг тоже нервничал. Я почувствовала это, когда мы поднимались по лестнице большого дома, стоявшего на тихой Кенсингтонской площади. Миссис Флемминг поздоровалась со мной вполне любезно. Она оказалась симпатичной дородной женщиной, таких обычно считают прекрасными женами и матерями. Проведя меня в спальню, стены которой были обиты чистеньким, без единого пятнышка ситцем, миссис Флемминг выразила надежду, что я ни в чем не буду испытывать нужды, и сообщила, что через пятнадцать минут ждет меня к чаю. А затем оставила меня в одиночестве.

Я слышала, как она спустилась в гостиную на первом этаже и сказала, слегка повывисив голос:

– Генри, но почему, с какой стати...

Дальше я не разобрала, но по тону и так все было понятно. Потом, через пару минут, до меня долетело несколько фраз, сказанных еще более кислым голосом:

– Я с тобой полностью согласна! Она действительно прехорошенькая.

Ну что за кошмарная жизнь! Мужчины третируют девушку, если она дурнушка, а женщины, наоборот, не выносят хороших.

Глубоко вздохнув, я принялась соорудить себе прическу. Волосы у меня красивые: не темно-каштановые, а черные-пречерные, я обычно ношу их распущенными, но тут я недрогнувшей рукой собрала их в пучок. Уши у меня вообще-то ничего, не оттопыренные, но сегодня открывать их совсем немодно, тут сомнений быть не может. Когда мой туалет был закончен, я стала невероятно похожа на одну из тех сироток, что гуськом плетутся на прогулку в маленьком капоре и красной пелерине.

Спустившись в гостиную, я заметила, что миссис Флемминг посмотрела на мои уши, и ее глаза подобрели. Что же касается мистера Флемминга, то он был явно озадачен. Ручаюсь, он сидел и думал: «Что с собой сотворила малышка?»

Остаток дня прошел хорошо. Мы договорились, что я немедленно примусь за поиски работы.

Перед сном я придирчиво рассмотрела свое лицо в зеркале. Неужели я действительно прехорошенькая? Честно говоря, мне так не казалось. Природа не наделила меня ни прямым греческим носом, ни алыми, словно роза, губами, ни еще какими-нибудь достоинствами, которыми должна обладать писаная красавица. Правда, однажды викарий сказал, что у меня глаза как «солнечные лучи, заточенные в глухой, непроходимой чаще»... Но священники буквально напичканы цитатами и сыпят ими, не особенно вникая в их смысл. Эх, были бы у меня глаза голубые, как у ирландок, а вовсе не темно-зеленые с желтыми крапинками! Впрочем, зеленый – вполне подходящий цвет для искательницы приключений!

Я туго замоталась в черный кусок ткани, обнажив руки и плечи. Потом распустила и зачесала назад волосы, вновь прикрыв ими уши. Затем густо напудрила лицо, так что оно стало еще белее, чем раньше. Потом долго искала и наконец нашла какую-то старую губную помаду и жирно-прежирно накрасила губы. После чего подвела жженой пробкой глаза, перекинула через голое плечо алую ленту, воткнула в волосы красное перо, а сигарету сдвинула в угол рта. Выглядело впечатляюще, я осталась довольна.

– Авантюристка Анна! – громко провозгласила я, кивая своему отражению в зеркале. – Авантюристка Анна. Глава первая. Кенсингтонский особняк.

Ну и дурехи эти девчонки!

3

Несколько недель я умирала от скуки. Подруги миссис Флемминг да и она сама были мне совершенно неинтересны. Они часами болтали о себе и о своих детях, о том, как трудно раздобыть для малышей хорошее молоко, и о том, что они говорят молочнице, если молоко кислое. Затем беседа перекидывалась на слуг; дамы обсуждали, как нелегко в нынешние времена подыскать хорошую прислугу, вспоминали свои переговоры с девушками из бюро по трудоустройству. По-моему, они никогда не читали газет и абсолютно не интересовались тем, что творится в мире. Путешествовать им не нравилось, все везде было не так, как в Англии. Ривьеру они, правда, одобряли, поскольку там можно было встретить уйму старых друзей.

Я слушала, еле сдерживаясь. Эти дамы в основном были богаты. Прекрасный необъятный мир простирался перед ними: путешествуй, куда хочешь, а они предпочитали торчать в скучном загаженном Лондоне и болтать про молочниц и служанок! Теперь, оглядываясь назад, я думаю, что, наверное, проявляла по отношению к ним некоторую нетерпимость. Но они были такими дурами!.. Дурами даже в той сфере деятельности, которую сами выбрали. Большинство-то и хозяйство вели плохо и бестолково.

Дела мои продвигались довольно медленно. Денег, вырученных от продажи дома и обстановки, еле хватило, чтобы расплатиться с долгами. Работу пока найти не удавалось. Впрочем, я особенно и не стремилась устроиться на службу. У меня было твердое убеждение, что если искать приключений, то они обязательно встретятся где-нибудь на полпути. Человек, по-моему, всегда получает то, что хочет.

И моя теория подтвердилась на практике.

Произошло это в январе, а точнее, восьмого января. Я возвращалась после неудачных переговоров с дамой, которая уверяла, что ей нужна компаньонка и секретарь, а на самом деле, видимо, мечтала о здоровенной поденщице, которая вкалывала бы двадцать четыре часа в сутки за двадцать пять фунтов в год. Мы расстались, чуть не поругавшись, и я отправилась по Эдгвер-роуд (дом, в котором я встречалась с той дамой, находился в районе Сент-Джонс-Вуд), пересекла Гайд-парк и очутилась возле больницы Св. Георгия. Там я спустилась в подземку и взяла билет до Глочестер-роуд.

Снедаемая любопытством, я дошла до конца платформы. Мне хотелось узнать, действительно ли два туннеля, которые вели к Даун-стрит, соединяются. Выяснив, что – да, я почему-то глупо обрадовалась. Народу на платформе было мало, в конце же ее вообще стоял только один мужчина. Проходя мимо него, я подозрительно принялась. Больше всего на свете я ненавижу запах нафталиновых шариков! А толстое зимнее пальто мужчины пропахло ими до одурения. Обычно люди надевают зимнюю одежду не в январе, а раньше, и к Рождеству запах успевает выветриться... Мужчина стоял чуть поодаль, у самого края платформы. Он глубоко задумался, и я могла спокойно его рассматривать, не боясь показаться невежливой. Щупленький, маленький, очень загорелый, с голубыми глазами и небольшой темной бородкой... Он, видно, только что из-за границы, решила я. Вот почему его пальто так воняет нафталином. Наверно, он приехал из Индии. На офицера не похож, офицеры бород не носят. Скорее всего, это владелец чайных плантаций.

Тут мужчина обернулся, явно намереваясь отступить подальше от края. Он взглянул на меня, потом перевел глаза на что-то за моей спиной и... его лицо исказилось. Исказилось от страха, панического ужаса! Он сделал невольный шаг назад, словно пытаясь избежать опасности, попятился, совсем позабыв, что стоит на краю платформы, и упал вниз.

На рельсах что-то ярко вспыхнуло и затрещало. Я взвизгнула. На место происшествия тут же сбежался народ. Откуда ни возьмись появились двое работников подземки и принялись отдавать распоряжения.

Я застыла, словно пригвожденная к платформе какими-то ужасными колдовскими чарами. Я была перепугана случившимся, но при этом хладнокровно и бесстрастно наблюдала за тем, как рабочие поднимают пострадавшего с рельсов и затаскивают на перрон.

– Пожалуйста, пропустите меня! Я врач!

Высокий человек с темной бородой торопливо прошел мимо меня и склонился над неподвижно лежавшим телом.

Во время осмотра меня вдруг охватило странное чувство нереальности происходящего. Все было как бы не по правде, а понарошку. Наконец доктор выпрямился и покачал головой:

– Он мертв. Ничего тут уже не поделаешь.

Толпа стала напирать, и удрученный носильщик повысил голос:

– Не надо, не надо! Оставайтесь на своих местах. Зачем устраивать свалку?

Мне стало дурно. Я повернулась и, не разбирая дороги, кинулась к лифту. Случившееся было слишком ужасным. Я чувствовала, что мне нужно выйти на свежий воздух. Врач, осматривавший труп, шел прямо передо мной. Один лифт уже отправился, другой вот-вот должен был подойти, и врач побежал, чтобы успеть в него впрыгнуть. По дороге он обронил какой-то клочок бумаги.

Я подняла его и кинулась вслед за доктором. Но двери лифта захлопнулись у меня перед носом, и я так и осталась стоять с бумажкой в руке.

Когда же наконец второй лифт доставил меня на улицу, человека, за которым я гналась, и след простыл. Я подумала, что, может быть, оброненная записка не представляет особой важности, и впервые развернула ее.

На половинке тетрадного листа были нацарапаны карандашом слова и цифры. Вот как это выглядело: «17.1 22 Замок Килморден».

На первый взгляд ничего особенного... Но что-то мешало мне выбросить эту бумажку... Я стояла, теребя ее в руках, и вдруг до меня снова донесся неприятный запах. «Опять нафталиновые шарики!» – поморщившись, подумала я и осторожно поднесла бумажку к носу. Да, записка вся пропахла нафталином. Но раз так, то...

Я аккуратно сложила листочек и спрятала его в сумочку. Потом не спеша отправилась домой, а по дороге упорно размышляла над случившимся.

Миссис Флемминг я сказала, что на моих глазах произошло ужасное несчастье, поэтому я расстроена и хочу сразу пройти к себе и прилечь. Добрая женщина все-таки уговорила меня выпить чашечку чая. Оставшись одна, я тут же приступила к выполнению плана, выработанного по дороге. Мне хотелось понять, почему, когда доктор осматривал труп, меня охватило такое странное чувство. Перво-наперво я улеглась на полу, изображая покойника, потом положила вместо себя диванный валик, а сама постаралась как можно точнее воспроизвести все движения и жесты врача. Наконец искомое было найдено. Я села на корточки и, нахмурившись, уставилась вдаль...

В вечерних газетах промелькнуло краткое сообщение о мужчине, погибшем в подземке; журналисты гадали, самоубийство это или несчастный случай. Я сочла своим долгом прояснить ситуацию, поговорила с мистером Флеммингом, и он полностью со мной согласился.

– Следствие, конечно же, заинтересуется вашими показаниями. Вы говорите, никого, кроме вас, не было?

– У меня такое чувство, что кто-то подошел сзади, но я в любом случае стояла ближе...

Провели дознание. Мистер Флемминг обо всем договорился и поехал со мной. Он явно опасался за мои нервы, и мне пришлось изображать волнение, хотя на самом деле я сохраняла полнейшее хладнокровие.

Пострадавшего звали Л.Б. Картон. В его карманах нашли ордер на осмотр дома, сдававшегося внаем, дом стоял на берегу реки неподалеку от Марлоу. Бумага была выдана на имя Л.Б. Картона, проживавшего в отеле «Рассел». Гостиничный клерк опознал мужчину, заявив, что тот поселился в отеле накануне трагического происшествия и зарегистрировался как Л.Б. Картон, приехавший из Южной Африки, а точнее – из Кимберли. По мнению клерка, мужчина только что сошел с корабля.

Я оказалась единственной, кто хоть что-то знал о происшествии.

- Вы думаете, это был несчастный случай? - спросил следователь.

- Да, конечно. Его что-то напугало, и он инстинктивно попятился, не отдавая себе отчета в том, что делает.

- Но что могло его напугать?

- Не знаю. Но он напугался. Его вдруг объял панический ужас.

Туповатый присяжный сказал, что некоторые люди приходят в ужас при виде кошек. Может, тот человек испугался кошки? Мне сия мысль не показалась особенно замечательной, но остальные за нее ухватились, поскольку им явно не терпелось разойтись по домам и они были рады признать смерть Картона не самоубийством, а несчастным случаем.

- Удивительно, - сказал следователь, - что доктор - тот, который первым осматривал тело, - так и не появился. Надо было сразу спросить его имя и адрес. Полиция очень неправильно поступила, не сделав этого.

Я тихонько усмехнулась. У меня имелись свои взгляды на сей счет, и я намеревалась как можно скорее изложить их в Скотленд-Ярде.

Однако на следующий день меня ждал сюрприз. Флемминги принесли «Дейли Баджет», чьи сотрудники в то утро оседлали своего любимого конька.

«НЕВЕРОЯТНОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ НЕДАВНЕЙ ИСТОРИИ В ПОДЗЕМКЕ! В ПУСТОМ ДОМЕ ОБНАРУЖЕНА УБИТАЯ ЖЕНЩИНА!»

Я жадно пробежала глазами сообщение:

«Сенсационное известие пришло вчера из особняка Милл-Хауз в Марлоу. У мужчины, который, по первоначальным предположениям полиции, совершил самоубийство, бросившись на рельсы подземки на станции Гайд-парк, в кармане был обнаружен ордер на осмотр Милл-Хауза, принадлежащего члену

парламента сэру Юстасу Педлеру и сдающегося внаем без обстановки. А в одной из комнат на верхнем этаже вчера нашли тело задушенной молодой красавицы. Она похожа на иностранку, однако опознать ее пока не удалось. Полиция утверждает, что у нее есть какие-то важные улики. Сэр Юстас Педлер, владелец Милл-Хауза, проводит зиму на Ривьере».

4

Никто не пришел опознать труп убитой женщины. На дознании вскрылись следующие факты.

Восьмого января в час дня или чуть позже в контору мистера Батлера и мистера Парка, расположенную в районе Наутсбридж, вошла хорошо одетая женщина, говорившая с легким иностранным акцентом. Она объяснила, что хочет снять или купить дом на Темзе, откуда легко было бы добраться до Лондона. Ей дали координаты нескольких домов, включая и Милл-Хауз. Особа назвалась миссис де Кастина и сказала, что живет в «Рице», однако там такой постоялицы не оказалось, и работники гостиницы не смогли опознать тело.

Миссис Джеймс, жена садовника, работающего у сэра Юстаса Педлера, присматривает за Милл-Хаузом, а сама живет в маленьком домике у дороги. Она и давала показания. Около трех часов дня к дому подошла женщина. Она показала ордер на осмотр дома, и миссис Джеймс, как было заведено, дала ей ключи. Милл-Хауз расположен неподалеку от ее дома, и она обычно не сопровождает потенциальных нанимателей. Через несколько минут появился молодой человек. Миссис Джеймс описала его как высокого, широкоплечего, с бронзово-загорелым лицом и светло-серыми глазами. Он был гладко выбрит и одет в коричневый костюм. Мужчина сказал миссис Джеймс, что он друг дамы, осматривающей дом, дескать, он просто задержался на почте, отправляя телеграмму. Миссис Джеймс указала ему дорогу и больше о посетителях не думала.

Через пять минут мужчина вновь появился, отдал ей ключи и заявил, что дом, наверное, им не подойдет. Женщину миссис Джеймс не видела, но решила, что та покинула дом раньше. Однако жена садовника заметила, что молодой

человек почему-то очень расстроен.

– Он был похож на человека, увидевшего призрак, – сказала она. – Я решила, что он заболел.

На следующий день пришли новые посетители, которые и обнаружили труп, лежавший на полу в одной из комнат на верхнем этаже. Миссис Джеймс опознала в покойнице женщину, приходившую накануне. Служащий конторы по сдаче и найму домов тоже признал в ней «миссис де Кастину». Полицейский хирург высказал мнение, что труп пролежал целые сутки. «Дейли Баджет» сделала смелое предположение, что мужчина из подземки сначала убил эту женщину, а потом покончил с собой. Но поскольку несчастный случай в метро произошел в два часа, а женщина даже в три была еще жива и здорова, то оставалось лишь предположить, что эти два случая никак не связаны между собой и ордер на осмотр дома, найденный в кармане мертвого мужчины, одно из тех совпадений, которые так часто встречаются в нашей жизни.

Следствие пришло к заключению, что «один неизвестный или даже целый ряд неизвестных совершили преднамеренное убийство», и полиции (а вместе с ней и «Дейли Баджет») осталось лишь разыскивать «человека в коричневом костюме». Поскольку миссис Джеймс твердо заявила, что когда женщина пришла осматривать дом, там никого не было и никто, кроме молодого человека, туда не заходил в течение целых суток, напрашивалось логичное предположение, что именно он убил несчастную де Кастину. Ее задушили обрывком толстого черного шнура, причем напали, очевидно, так стремительно, что она даже вскрикнуть не успела. В шелковой черной сумочке пострадавшей нашли туго набитый бумажник, немного мелочи, тонкий кружевной платочек без вензелей и инициалов и обратный билет до Лондона в вагоне первого класса. Зацепиться было в общем-то не за что.

Все это поведала широкому читателю «Дейли Баджет» и с тех пор периодически воинственно призывала народ найти «человека в коричневом костюме».

Примерно пятьсот человек в день заявляло о том, что они выследили преступника, и рослые молодые люди с загорелыми лицами проклинали тот час, когда портные уговорили их сшить коричневые костюмы. Ну а про несчастье в метро все решили, что оно произошло случайно, и вскоре про него позабыли.

Неужели это действительно было лишь случайным стечением обстоятельств? Я сильно сомневалась. Конечно, мое отношение грешило некоторой

предубежденностью, ведь происшествие в подземке стало в каком-то смысле моей маленькой тайной... Но все же – ей-богу! – между двумя трагедиями существовала какая-то связь. И там и там действовал некий загорелый мужчина, по-видимому англичанин, живущий за границей. Были и еще кое-какие зацепки... Из-за них-то я и отважилась в конце концов на решительный (по моему мнению) шаг. Явившись в Скотленд-Ярд, я потребовала свидания со следователем, который вел дело об убийстве в Милл-Хаузе.

Меня не сразу, но все-таки поняли – еще бы, ведь по рассеянности я забрела в бюро находок! – и затем провели в маленькую комнатку к инспектору Мидоусу.

Инспектор Мидоус, рыжеволосый коротышка, обладал, на мой взгляд, удивительно неприятными манерами. Его помощник, тоже в штатском, скромно сидел в уголке.

– Доброе утро! – нервно сказала я.

– Доброе утро, – откликнулся инспектор. – Присаживайтесь, пожалуйста. Насколько я понял, вы хотите сообщить какие-то полезные для нас сведения?

По его тону, однако, чувствовалось, что верит он в это крайне слабо. Я так и вскипела.

– Вы, конечно, слышали о мужчине, которого убили в метро? – спросила я. – У него в кармане нашли направление на осмотр дома в Марлоу.

– А-а, – протянул инспектор, – значит, вы и есть мисс Беддингфелд, что участвовала в дознании?! Мало ли что у мужчины лежало в кармане!.. Ордера на осмотр домов дают очень многим, только других не убивают, как того мужчину.

Я предприняла еще одну попытку:

– И вы не считаете странным, что у мужчины не было билета?

– Билет потерять легче легкого. Со мной лично это не раз случалось.

– И денег у него не нашли!

- Не совсем так, в кармане брюк было немного мелочи.

- Но бумажника-то не было!

- Не все люди носят бумажники или кошельки, - возразил инспектор.

Тогда я решила поискать другой подход:

- А вас не удивляет, что доктор так и не объявился после того происшествия?

- Врачи - занятые люди и часто не читают газет. Вполне возможно, доктор вообще забыл о происшествии.

- По-моему, инспектор, вас ничто не может удивить, - мягко заметила я.

- Да нет, вы преувеличиваете, мисс Беддингфелд. Девушки романтичны, я знаю... любят тайны и все такое прочее. Но у меня очень много дел...

Я поняла намек и встала.

Мужчина, сидевший в углу, робко возвысил голос:

- Может быть, юная леди изложит нам вкратце свои соображения по поводу случившегося, инспектор?

Инспектора не пришлось долго упрашивать.

- Да-да, пожалуйста, мисс Беддингфелд! Вы уж не обижайтесь на нас. Что ходить вокруг да около? Лучше выскажите прямо, что у вас на уме.

Я колебалась: с одной стороны, мне хотелось потешить уязвленное самолюбие, а с другой - не терпелось изложить свои соображения. Наконец я решила поступиться самолюбием.

– На дознании вы утверждали, что случившееся не было самоубийством, – напомнил инспектор.

– Да, я совершенно в этом уверена. Того человека что-то напугало. Но что? Кто? Во всяком случае, не я. Вполне возможно, что кто-то шел вслед за нами по платформе... кто-то, кого он узнал.

– Вы видели кого-нибудь?

– Нет, – призналась я. – Я не оборачивалась. Ну а как только труп подняли с рельсов, к нему кинулся какой-то мужчина, назвавшийся доктором.

– Не вижу в этом ничего необычного, – сухо проронил инспектор.

– Да, но он не был доктором!

– Что-о?

– Он не был доктором, – повторила я.

– Откуда вы знаете, мисс Беддингфелд?

– Трудно сказать... Вообще-то во время войны я работала в госпитале и видела, как врачи обращаются с покойниками. Их движения профессионально ловки и бесстрастны, чего нельзя сказать о том мужчине. Ну, и потом... врачи обычно не слушают сердцебиение, прикладывая ухо к правой стороне тела.

– А он слушал сердце справа?

– Да, но в тот момент я не отдала себе в этом отчет, хотя и почувствовала что-то неладное... А вернувшись домой, я стала вспоминать и наконец поняла, откуда у меня возникло ощущение несуразности происходящего.

– Гм-м, – пробормотал инспектор и медленно потянулся за ручкой и бумагой.

– Ощупывая грудную клетку пострадавшего, – продолжала я, – так называемый «доктор» мог преспокойно обчистить карманы погибшего.

– Мне в это не очень-то верится, – протянул инспектор. – Но хорошо... Вы могли бы нам описать того человека?

– Высокий, широкоплечий, он был в темном пальто, черных ботинках и котелке. Еще я запомнила черную бородку клинышком и солнечные очки в золотой оправе.

– Если убрать пальто, бороду и очки, то ничего и не останется, – проворчал инспектор. – Ваш «доктор» мог бы в пять минут до неузнаваемости сменить внешность... что он, конечно же, и не преминул сделать, если, как вы утверждаете, это вор-карманник.

Ничего подобного я не утверждала и с той минуты махнула на инспектора рукой, сочтя его абсолютно безнадежным тупицей.

– Вам больше нечего сказать? – спросил инспектор, видя, что я собираюсь уходить.

– Нечего, – сказала я и не преминула нанести ему последний удар: – Кстати, голова того человека была брахицефальной. А это не так-то просто изменить.

Я с удовольствием отметила, что перо инспектора Мидоуса нерешительно зависло над бумагой. Он совершенно определенно не знал, как писать слово «брахицефальная».

5

Клокоча от негодования, я неожиданно легко решилась на следующий шаг. Еще во время посещения Скотленд-Ярда у меня созрел план... Я намеревалась осуществить его, если встреча со следователем не принесет желаемых результатов (а она оказалась в высшей степени неудовлетворительной). Но план требовал немало мужества...

Однако в порыве гнева человек нередко с легкостью совершает поступки, на которые в нормальном состоянии никогда бы не отважился. Недолго думая, я отправилась прямо к лорду Нэсби.

Лорд Нэсби был миллионер, владелец «Дейли Баджет». Вообще-то ему принадлежало еще несколько газет, но «Дейли Баджет» считалась его любимым детищем. Домовладельцы Англии знали его именно как хозяина этого издания. В печати совсем недавно рассказывалось о распорядке дня сего великого мужа, а потому я знала, где его искать. В этот час он работал дома, диктовал что-нибудь своей секретарше.

Разумеется, я не рассчитывала на то, что любая девица, которой взбредет в голову явиться к лорду Нэсби, удостоится аудиенции. Но я позаботилась об этой стороне дела. В холле у Флеммингов, на подносе для визитных карточек, я заметила карточку маркиза Лоумсли, одного из пэров Англии. Я взяла ее, аккуратно стерла хлебным мякишем все надписи и нацарапала карандашом: «Пожалуйста, уделите мисс Беддингфелд несколько минут». Авантюристки не больно разборчивы в средствах!

Хитрость удалась. Напудренный лакей взял карточку и куда-то ее отнес. После чего появился бледный секретарь. Наша словесная дуэль окончилась в мою пользу. Сдавшись, секретарь удалился. Потом пришел опять и попросил меня следовать за ним. Я послушалась и вошла в большую комнату. Испуганная стенографистка промелькнула мимо меня, словно призрак. Затем дверь затворилась, и я оказалась лицом к лицу с лордом Нэсби.

Крупный мужчина... Большеголовый. Большелицый, с большими усами и большим животом... Я осеклась. Ведь я пришла сюда не для того, чтобы разглядывать живот лорда Нэсби. А он уже рычал на меня:

– Ну, так что же? Что нужно от меня Лоумсли? Вы его секретарша? В чем дело?

– Начну с того, – сказала я, стараясь говорить как можно хладнокровней, – что я не знаю лорда Лоумсли и он наверняка не слышал о моем существовании. Я взяла его визитную карточку в доме, где сейчас гощу, и сама сделала эту надпись. Мне было важно увидеть вас.

На какую-то долю секунды мне показалось, что лорда Нэсби хватит удар. Но, судорожно проглотив слюну, он все же взял себя в руки.

– Я восхищаюсь вашим хладнокровием. И если вам удастся меня заинтересовать, то наша встреча сможет продлиться еще две минуты. Но не больше!

– Этого достаточно, – ответила я. – А насчет заинтересовать – будьте покойны. Дело касается загадки Милл-Хауза.

– Если вы нашли «человека в коричневом костюме», свяжитесь с редактором, – торопливо перебил меня лорд Нэсби.

– Если вы будете меня перебивать, – решительно произнесла я, – мне не хватит двух минут. Я не нашла «человека в коричневом костюме», но вполне могу это сделать.

Стараясь как можно лаконичней излагать свои мысли, я рассказала Нэсби о несчастном случае в подземке и о том, какие я сделала выводы. Когда рассказ был закончен, лорд Нэсби неожиданно спросил:

– А откуда вы знаете про брахицефалов?

Я назвала папино имя.

– А, «человек – предок обезьяны»? Да? Ну что ж, похоже, у вас есть голова на плечах, милая барышня. Но вообще-то история ваша не ахти. Не за что зацепиться. А значит, нам от нее никакого толку.

– Нисколько не сомневаюсь.

– Но тогда что вы хотите?

– Хочу устроиться к вам репортером, чтобы расследовать это дело.

– Невозможно. Мы уже отрядили специального корреспондента.

- Зато у меня специально для вас есть кое-какие соображения...

- Те, что вы мне поведали?

- О нет, лорд Нэсби. У меня осталось кое-что про запас.

- Ах, неужели? Да, вы положительно умны! Я слушаю...

- Садясь в лифт, так называемый доктор обронил какую-то бумажку. А я ее подняла. Она пахла нафталином. От погибшего тоже пахло нафталином. А от доктора - нет. Поэтому я сразу догадалась, что доктор вытащил записку из кармана покойника. В записке было два слова и несколько цифр.

- Дайте-ка взглянуть.

Лорд Нэсби небрежно протянул руку.

- Пожалуй, не стоит, - улыбаясь, ответила я. - Ведь это моя находка.

- Хорошо. Ей-богу, вы смышленная девушка. Правильно, не выпускайте записку из рук! А вас не мучает совесть из-за того, что вы не отдали ее полиции?

- Я собиралась ее отдать сегодня утром, но они упорно старались не замечать связи между историей в подземке и убийством в Милл-Хаузе, так что я сочла себя вправе утаить записку. Да и потом, инспектор меня разозлил.

- Недальновидный человек... Ладно, моя милая девочка, я сделал для вас все, что мог. Прорабатывайте свою версию. И если раскопаете что-нибудь... что-нибудь пригодное для печати, присылайте нам. Попытайте счастья. В «Дейли Баджет» всегда найдется место истинному таланту. Но сначала надо хорошенько потрудиться. Понятно?

Я поблагодарила лорда Нэсби и извинилась за методы, которыми мне пришлось действовать.

- Не страшно. Я люблю нахальство в хорошеньких девушках! Кстати, вы обещали отнять у меня всего две минуты и, даже несмотря на то, что я перебивал вас,

уложились в отведенное время. Для женщины это удивительно! Видимо, сказывается ваша научная подготовка.

Вновь очутившись на улице, я с трудом отдышалась, словно после долгой пробежки. Мое новое знакомство показалось мне весьма утомительным.

6

Я вернулась домой, ликуя. Ведь мне удалось добиться куда большего, чем я предполагала! Лорд Нэсби принял меня очень даже доброжелательно. Теперь дело было за мной. «Дерзайте!» – сказал лорд Нэсби. Запершись в своей комнате, я достала драгоценный клочок бумаги и еще раз впилась в него жадным взором. Это был ключ к разгадке тайны.

Что же все-таки обозначали загадочные цифры? Их было пять, и после первых двух стояла точка.

– Семнадцать. Сто двадцать два, – шепотом произнесла я.

Это меня ни к чему не привело.

Тогда я сложила указанные числа. Так часто делают в приключенческих романах, и результаты бывают поразительными.

Один и семь будет восемь, плюс еще один – девять, плюс два – одиннадцать, а если прибавить еще два, то получится тринадцать.

Тринадцать! Роковое число! Может быть, его предупреждение? Может, мне стоит отказаться от своей затеи? Вполне возможно. Во всяком случае, другого смысла я в цифре «тринадцать» не увидела. Мне не верилось, что какому-нибудь заговорщику придет в голову записать ее столь экстравагантным способом. Если он имел в виду число тринадцать, он бы так и написал: «13».

Между единицей и двойкой был оставлен просвет. Тогда я вычла двадцать два из ста семидесяти одного. Вышло сто сорок девять. Попрактиковаться в устном

счете было, конечно, полезно, однако, похоже, к разгадке тайны сии математические экзерсисы никакого отношения не имели. Поэтому я оставила их в покое, даже не дойдя до деления или умножения, и перешла от цифр к словам.

Замок Килморден... Это уже что-то более определенное. Некое место, вероятно родовое гнездо аристократического семейства. (Наверное, записка имеет отношение к претендентам на наследство? Или на потомственный титул?) А может, замок Килморден – это всего лишь живописные развалины? (И тогда речь идет о кладе?)

Да, версия насчет клада показалась мне наиболее подходящей.

Цифры всегда связаны с кладом, шаг направо, семь шагов налево, выкопать яму глубиной в один фут, спуститься на двадцать две ступеньки под землю... «Хорошая идея, – решила я, – но поработать над ней я еще успею. Сейчас важно как можно скорее добраться до замка Килморден». Сделав вылазку из комнаты, я вернулась с добычей: целой кипой книг. Среди них были «Кто есть кто», «История древних шотландских родов» и чьи-то сочинения о жителях Британских островов.

Время шло, я прилежно рылась в справочниках, но лишь все больше раздражалась и, наконец, в сердцах захлопнула последнюю книгу. Никакого замка Килморден мне обнаружить не удалось. На моем пути выросло неожиданное препятствие. Однако такой замок должен существовать, непременно! С чего бы заговорщику придумывать его и указывать название в записке? Ерунда какая-то!

Потом мне пришла в голову другая идея. Что, если какой-нибудь человек построил в пригороде Лондона аляповатое сооружение и окрестил его высокопарно «замком»? Но ежели так, то разыскать нужный дом будет невероятно трудно... Помрачнев, я села на корточки (это моя излюбленная поза, когда мне нужно принять действительно важное решение) и принялась размышлять, как же теперь быть.

Могу ли я что-нибудь предпринять?

Я долго думала и наконец весело вскочила на ноги. Ну разумеется! Нужно отправиться на место преступления! Хорошие сыщики всегда так делают. И всегда что-нибудь находят. Что-нибудь упущенное полицией. Даже если преступление совершено несколько дней назад! Мои дальнейшие действия были мне совершенно ясны. Я должна отправиться в Марлоу.

Но как попасть в дом? Отвергнув несколько авантюрных способов, я предпочла поступить предельно просто. Раз дом сдавался внаем, то, наверно, он и сейчас еще не занят. И я приду туда как потенциальный квартиросъемщик.

А маклерам я устрою разгон за то, что у них такой скудный набор вариантов!

Но не тут-то было. Симпатичный клерк разложил передо мной карточки с описанием полудюжины подходящих домов. Мне пришлось серьезно напрячься, выискивая в каждом какие-либо недостатки. Наконец я выразила опасение, что визит мой напрасен.

– Неужели у вас нет еще чего-нибудь? – патетически вопрошала я, глядя клерку прямо в глаза. – Я хочу, чтобы дом стоял у реки и чтобы там был большой сад и маленький флигель...

Я постаралась перечислить все основные приметы Милл-Хауза, почерпнутые мной из газет.

– Ну... остается еще, конечно, дом сэра Юстаса Педлера, – нерешительно молвил клерк. – Милл-Хауз... наверно, вы слышали...

– Это... это не там, где... – Я запнулась. (Вообще-то в последнее время я здорово наострилась изображать застенчивость.)

– Да-да! Именно там произошло убийство. Так что, может, вы не захотите...

– О нет, меня это не останавливает, – энергично возразила я и, чтобы еще больше подтвердить свою решимость, добавила: – Вдруг мне удастся уговорить их сбавить цену? В сложившихся обстоятельствах...

Это был, по-моему, мастерский ход.

– Вполне возможно, – откликнулся клерк. – Найти жильцов им теперь, пожалуй, будет нелегко... возникнут трудности с прислугой и много других проблем... Если после осмотра вы решите, что дом вам подходит, мой вам совет: назовите свою цену. Значит, я выписываю направление на осмотр?

– Да, пожалуйста.

Через пятнадцать минут я уже стояла перед флигелем на территории Милл-Хауза. На стук открылась дверь, и вылетела высокая немолодая женщина.

– Я никого не пущу в дом, понятно? Доконали меня журналисты. Сэр Юстас приказал...

– Насколько я понимаю, особняк сдается внаем, – холодно произнесла я, протягивая ей ордер. – Но, конечно, если вы уже нашли жильцов...

– О, простите, ради бога, мисс! Эти ребята из газет буквально не дают мне проходу. Ни минуты покоя!.. А дом еще не сдан и, похоже, так и не будет сдан.

– Что, канализация плохо работает? – обеспокоенно прошептала я.

– Бог с вами, мисс, канализация у нас в полном порядке! А вы... неужели вы не слышали о том, что тут убили одну иностранку?

– Да вроде бы в газетах что-то мелькало... – небрежно проронила я.

Мое безразличие сразило эту славную женщину. Прояви я хоть какой-нибудь интерес, она, скорее всего, спряталась бы как улитка в свою раковину. А тут она просто все готова была мне выложить.

– Да наверняка вы слышали, мисс! Эта история все газеты обошла. «Дейли Баджет» до сих пор надеется поймать убийцу. Если верить им, то наша полиция вообще ни на что не способна... Надеюсь, его все-таки поймают... хотя он с виду такой милый юноша, что верно, то верно. Немного похож на солдата... думаю, его на войне ранило, а ведь после этого у людей порой появляются странности, вот как у сына моей сестры... Видать, та женщина его мучила, иностранки такие противные. Хотя она была очень даже симпатичной. Вот тут стояла, прямо на

вашем месте.

– Интересно, она была блондинкой или брюнеткой? – спросила я первое, что мне пришло в голову. – На фотографиях, которые публиковались в газетах, этого не разобрать.

– У нее были темные волосы и очень белая кожа, слишком белая, даже неестественно, подумала я тогда... А губы алые и накрашены слишком ярко. Мне это не нравится, по-моему, женщине достаточно слегка припудрить лицо – и все.

Мы уже разговаривали, как старые друзья. Я задала следующий вопрос:

– Наверно, она нервничала или казалась расстроенной?

– Вовсе нет! Она спокойненько так улыбалась про себя, словно ее что-то забавляло. Поэтому для меня как гром среди ясного неба было, когда на следующий день та парочка примчалась сюда и потребовала вызвать полицию: дескать, совершено убийство. Я, наверное, этого не переживу, а уж после наступления темноты я теперь туда ни ногой, хоть режьте меня! Я и во флигеле больше жить не желала, да вот сэр Юстас буквально на коленях умолял меня остаться.

– А разве сэр Юстас Педлер не в Каннах?

– Он там отдыхал, но когда услышал о случившемся, то вернулся в Англию... Ну, конечно, про колени я так сказала, в переносном смысле... Но секретарь сэра Юстаса, мистер Пейджет, предложил нам вдвое увеличить жалованье: только, мол, оставайтесь... А как говорит мой Джон, «деньги в наше время нужны позарез».

Я охотно согласилась с весьма оригинальным выводом Джона.

– А вот молодой человек, – внезапно вернулась к предыдущей теме разговора миссис Джеймс, – выглядел расстроенным. Его глаза – они у него светлые, я отчетливо помню – блестели ярко-ярко. Я решила, что он взволнован. Но мне и в голову не пришло заподозрить что-то неладное. Даже когда он вернулся сам не свой.

– Сколько он пробыл в доме?

– Да недолго, минут пять, наверное.

– Какого он был роста? Примерно шесть футов?

– Пожалуй.

– Гладко выбрит?

– Да, мисс, даже тоненьких усов щеточкой и тех не было.

– А подбородок у него блестел? – повинуюсь внезапному порыву, спросила я.

Миссис Джеймс воззрилась на меня в священном трепете.

– Да, мисс... Теперь, когда вы сказали, я вспомнила, что – да. Но откуда вам это известно?

– Забавно, но у убийц часто блестят подбородки, – высказала я совершенно бредовую мысль.

Но миссис Джеймс охотно мне поверила.

– Что вы говорите, мисс?! Никогда об этом не слышала.

– Вы не обратили внимания на форму его головы?

– А что в ней особенного? Голова как голова, мисс... Так я даю вам ключи?

Взяв ключи от дома, я отправилась в особняк. Проводимое расследование пока удовлетворяло. Существенных различий между человеком, которого описала миссис Джеймс, и «доктором» из подземки я не заметила. Пальто, борода, очки в золотой оправе... «Доктор» показался мне человеком средних лет, но я вспомнила, что, склоняясь над трупом, он двигался как сравнительно молодой мужчина. В его пластике была гибкость, присущая молодости.

Жертва несчастного случая (я дала погибшему прозвище Нафталин) и иностранка миссис де Кастина (не знаю уж, как ее звали в действительности) договорились встретиться в Милл-Хаузе. События, по-моему, разворачивались следующим образом: то ли опасаясь слежки, то ли по какой-то другой причине они избрали довольно оригинальный способ встречи, договорившись взять направление на осмотр одного и того же дома. Это давало им возможность встретиться как бы случайно.

Тот факт, что Нафталин не ожидал увидеть «доктора» и явно встревожился, лишний раз подтверждал мою правоту. Что случилось потом? «Доктор» снял грим и отправился вслед за женщиной в Марлоу. Но поскольку он торопился, то на подбородке вполне могли остаться следы клея. Вот почему я задала миссис Джеймс странный на первый взгляд вопрос.

Я брела, погрузившись в раздумья, и наконец подошла к невысокой, как делали в старину, двери особняка Милл-Хауз. Открыла ее ключом и зашла внутрь. В холле, под низкими сводами, было тепло, пахло запустением и плесенью. Я невольно содрогнулась. «Неужели женщину, что пришла сюда несколько дней назад, «улыбаясь каким-то своим мыслям», не охватило дурное предчувствие, когда она переступила порог этого дома? – подумала я. – Может, губы ее перестали улыбаться, а сердце сжалось от безотчетного страха? Или же она поднялась вверх, по-прежнему улыбаясь и не подозревая о своей скорой гибели?» Сердце у меня учащенно забилося. А вдруг дом на самом деле не пуст? И меня тоже поджидает смерть? Впервые я по-настоящему поняла, что означают слова «там-то и там-то была особая атмосфера». В этом доме царила особая атмосфера, атмосфера жестокости, опасности, зла...

7

Отгнав мрачные мысли, я быстро взбежала по лестнице. Найти комнату, где разыгралась трагедия, оказалось нетрудно. В тот день, когда обнаружили труп, шел проливной дождь, и пол, не застеленный ковром, был весь истоптан грязными ботинками. Интересно, а убийца накануне тоже оставил свои следы? Полиция, конечно, могла об этом умолчать... Однако, поразмыслив, я решила, что мое предположение маловероятно. В тот день стояла хорошая погода и было сухо.

Ничего интересного я в комнате не заметила. Она была почти квадратная, с двумя большими окнами, гладкими белыми стенами и дощатым полом. Я обшарила его весь, но не нашла ничего, кроме булавки. Похоже, талантливому начинающему детективу не суждено отыскать ключ к разгадке тайны...

Я принесла с собой блокнот и карандаш. Записывать было особо нечего, но все же я прилежно начертила план комнаты, дабы хоть как-то восполнить свое разочарование. Но когда я хотела положить карандаш обратно в сумочку, он выскользнул у меня из рук и покатился по полу.

Милл-Хауз был построен давным-давно, и половицы повело. Карандаш катился все быстрее и наконец докатился до окна. Под широким подоконником стоял низенький шкафчик. Он был закрыт, но мне вдруг пришло в голову, что если отворить дверцу, то карандаш закатится вовнутрь. Я так и сделала. Карандаш немедленно закатился и скромненько устроился в самом дальнем углу. Я достала его, отметив про себя, что, поскольку в комнате темно, а низ шкафчика расположен почти вровень с полом, извлекать карандаш приходится вслепую, на ощупь. Кроме карандаша, в шкафчике ничего не оказалось, но, будучи человеком основательным, я решила обследовать и второй шкафчик, стоявший у противоположного окна.

На первый взгляд он тоже вроде бы был пуст, однако я упорно обшаривала его дно дюйм за дюймом, и мое упорство было вознаграждено: я внезапно нащупала твердый картонный цилиндрок, заброшенный или случайно закатившийся в угол. Вытащив находку на свет божий, я сразу поняла, что это такое. Фотопленка фирмы «Кодак»! Вот так находка!

Я, конечно, понимала, что пленка вполне может принадлежать сэру Юстасу Педлеру и ее просто могли не найти, опорожняая шкафчик. Но мне в это не верилось. Слишком уж новый вид был у красной обертки. Да и запылилась она ровно настолько, насколько полагалось запылиться вещи, пролежи она в шкафчике два-три дня, то есть с момента убийства. Если бы она провалялась там дольше, слой пыли оказался бы намного толще.

Кто обронил пленку? Женщина или мужчина? Я вспомнила, что дамская сумочка выглядела нетронутой. Если бы она раскрылась, когда женщина боролась с убийцей, и пленка упала бы на пол, то за ней наверняка выпало бы и несколько монет... Положительно, женщина уронить фотопленку не могла.

Я вдруг подозрительно принялась. Неужели запах нафталина теперь преследует меня повсюду? Клянусь, пленка тоже пахнет нафталином. Я поднесла ее к самому носу. От нее исходил собственный, довольно сильный и специфический запах, однако, несмотря на это, я легко различила столь ненавистное мне «амбре». И вскоре поняла, в чем причина. К пленке прилипла нитка, от которой жутко воняло нафталином. Значит, моя находка некогда лежала в кармане мужчины, погибшего в подземке. Мог ли он выронить ее здесь? Маловероятно. Это не укладывалось в схему.

Нет, это был другой человек, «доктор». Он взял пленку вместе с запиской. И уронил ее здесь, когда боролся с женщиной.

Наконец-то найден ключ к разгадке тайны! Я проявлю пленку и решу, что делать дальше.

Окрыленная, я вышла из дома, вернула ключи миссис Джеймс и со всех ног помчалась на станцию. По пути в город я вынула записку и взглянула на нее еще раз. И вдруг цифры обрели новое значение... Что, если это дата? 17. 1. 22. 17 января 1922 года. Ну конечно! Как глупо, что я не подумала об этом раньше! Но в таком случае мне обязательно нужно узнать, где находится замок Килморден, – ведь сегодня четырнадцатое число. До семнадцатого всего три дня, слишком мало... положение практически безнадежное, потому что я понятия не имею, где искать проклятый замок!

Сдать фотопленку в тот день я не успела. Мне нужно было торопиться домой в Кенсингтон, чтобы не опоздать к обеду. Однако я подумала, что выяснить, правильные ли я сделала выводы, очень просто. Я заинтересовалась у мистера Флемминга, не обнаружили ли среди пожитков погибшего фотоаппарат. Мне было известно, что мистер Флемминг живо интересовался случившимся и знал мельчайшие подробности.

К моему удивлению и досаде, он ответил, что никакого фотоаппарата у мужчины не было. Вещи до-смотрели самым тщательным образом, надеясь наткнуться на какую-нибудь мелочь, которая позволила бы понять психологию погибшего. Но мистер Флемминг твердо помнил, что фотоаппарата полиция не обнаружила. Это несколько подрывало мою теорию. Если у мужчины не было фотоаппарата, то зачем он носил с собой фотопленку?

Рано утром я отправилась проявить мою драгоценную находку. Я так волновалась, что буквально бежала бегом всю дорогу по Риджент-стрит до большого магазина фирмы «Кодак». Зайдя, я протянула продавцу пленку и попросила сделать фотокарточки каждого кадра. Мужчина сложил горку из пленок, упакованных в желтые оловянные цилиндрики и предназначенных для съемок в тропиках, и взял мою добычу.

Потом поднял на меня глаза.

- По-моему, вы ошиблись, - улыбаясь, сказал он.

- О нет! - возразила я. - Все правильно.

- Вы дали не ту пленку. Эта еще не отснята!

Стараясь по возможности сохранить чувство собственного достоинства, я вышла из магазина. Смею заметить, что человеку бывает полезно время от времени убедиться в собственной глупости. Хотя удовольствия это еще никому не доставляло.

Ну а затем... затем я поплелась мимо крупных пароходных контор и вдруг остановилась как вкопанная. В витрине красовалась роскошная модель корабля, на котором явственно читалась надпись «Замок Килморден». У меня моментально созрел бредовый план. Распахнув дверь, я вошла в контору, подошла к стойке и прерывающимся голосом (на сей раз совершенно искренне!) пролепетала:

- Когда отплывает «Замок Килморден»?

- Семнадцатого, из Саутгемптона. Конечный пункт - Кейптаун. Вам билет в первом или во втором классе?

- А сколько стоит?

- Первый класс - восемьдесят семь фунтов, второй...

Я не дала клерку договорить – меня сразило неожиданное совпадение. Ведь мое наследство составляло именно восемьдесят семь фунтов! Я решила положить все яйца в одну корзину и произнесла:

– Первый класс, пожалуйста.

Теперь я была просто обречена на приключения...

8

Выдержки из дневника сэра Юстаса Педлера, члена парламента

Удивительно, но мне, видно, не суждено обрести покой. А я так люблю мирную жизнь. Люблю клуб, игру в бридж, хорошо приготовленную еду и вкусное вино. Англия мне нравится летом, Ривьера – зимой. У меня нет никакого желания испытывать острые ощущения. Нет, я, конечно, с удовольствием прочту о чем-нибудь эдаком, устроившись с газеткой у камина. Но не больше того. Для меня главное – полный уют и комфорт. Я приложил немало умственных усилий и потратил довольно много денег, чтобы достичь своей цели. Но не могу сказать, что мне всегда это удавалось. Вокруг меня вечно происходят какие-то необыкновенные события, обычно мне удается остаться в стороне, но нередко я, сам того не желая, оказываюсь втянут в какую-то авантюру. А я ненавижу, когда меня во что-нибудь втягивают.

Пишу это потому, что Гай Пейджет явился сегодня ко мне в спальню с кислой миной. В руке у него была телеграмма.

Гай Пейджет – мой секретарь, очень прилежный, исполнительный, работающий – в общем, достойный всяческого восхищения. Он бесит меня, как никто другой. Я долгое время ломал голову, придумывая, как бы от него избавиться. Но не очень-то просто уволить секретаря, когда он предпочитает работу, а не развлечения, любит вставать ни свет ни заря и безгрешен, точно ангел. Единственное, что я нахожу в нем забавным, так это его лицо. Он похож на отравителя, жившего в четырнадцатом веке, – таким парням семейка Борджиа поручала обстрипывать свои милые делишки.

Я бы относился к нему спокойней, если бы Пейджет не заставлял трудиться и меня. По-моему, работать надо легко и радостно, как бы играючи. Сомневаюсь, чтобы Гай Пейджет вообще когда-нибудь в своей жизни играл. Он все воспринимает всерьез. Поэтому с ним очень трудно.

На прошлой неделе мне пришла в голову блестящая мысль – отправить его во Флоренцию. Он сказал, что мечтает там побывать.

– Мой дорогой друг! – вскричал я. – Вы поедете завтра же! Я оплачу вам все расходы.

Январь не очень-то подходящий месяц для прогулок по Флоренции, но я решил, что для Пейджета сойдет. Я уже предвкушал, как он расхаживает по городу с путеводителем в руках, стараясь не пропустить ни одной картинной галереи. Я был готов заплатить любые деньги, лишь бы получить неделю свободы.

И неделя оказалась действительно чудесной. Я делал то, что мне хотелось, и не делал того, что не хотелось. Но, открыв сегодня в девять утра глаза и увидев Пейджета, стоявшего на фоне окна и застлавшего мне свет, я понял, что свобода кончилась.

– Мой дорогой друг, – сказал я, – вы с похорон или на похороны?

Чувство юмора Пейджету неведомо. Поэтому он серьезно воззрился на меня.

– Как?! Вы уже знаете, сэръ Юстас?

– Да ничего я не знаю! – раздраженно поморщился я. – Просто у вас такое выражение лица, будто сегодня утром должны хоронить вашего близкого и горячо любимого родственника.

Пейджет старательно игнорировал мою остроту.

– Я думал, вы уже знаете, – заявил он, теребя телеграмму. – Конечно, вам не по душе, когда вас будят спозаранку, но ведь уже девять!

(Пейджет считает, что девять часов – это практически полдень.)

- И я решил, что в сложившихся обстоятельствах... - Пейджет не договорил и опять принялся теревить телеграмму.

- Что это? - наконец обратил я внимание.

- Телеграмма из полиции. В вашем доме убили женщину.

Тут уж я разозлился не на шутку.

- Ну и наглость! - завопил я. - Почему в моем доме? Кто убил?

- Они не написали. Наверное, нам следует немедленно вернуться в Англию, сэр Юстас.

- Не выдумывайте! С какой стати нам возвращаться?

- Полиция...

- Ах, что мне за дело до полиции?!

- Но ведь убийство совершено в ВАШЕМ доме.

- Это не моя вина, а мое несчастье, - возразил я.

Гай Пейджет уныло покачал головой и мрачно заметил:

- Это произведет очень неблагоприятное впечатление на ваших избирателей.

Я лично не вижу, почему так должно быть... но в подобных вопросах доверяю инстинкту Пейджета. По логике вещей, член парламента вовсе не должен лишаться поддержки избирателей, если в пустой дом, принадлежащий ему, случайно попадает какая-то молодая женщина и ее там убивают... Но английская публика считает иначе.

– Тем более что убитая – иностранка, – сурово продолжал Пейджет. – Это еще хуже.

И опять, думаю, он был прав. Если убийство случайного человека в доме, являющемся вашей собственностью, вас позорит, то позор считается еще более несмываемым, когда жертва оказывается иностранкой.

Тут еще одна мысль поразила меня как гром среди ясного неба.

– Боже праведный! – воскликнул я. – Надеюсь, Каролина не очень расстроена?!

Каролина – моя повариха. И кроме того, жена моего садовника. Впрочем, хорошая она жена или нет, я не знаю, но повар – превосходный. А вот ее муж Джеймс – садовник неважный, но я позволяю ему бездельничать и жить во флигеле, лишь бы Каролина готовила мне еду.

– Не думаю, что она после всего случившегося останется у вас, – заметил Пейджет.

– Вы всегда отличались оптимизмом, – вздохнул я.

Очевидно, мне все-таки следует вернуться в Англию. Пейджет недвусмысленно дал понять, что так будет лучше. И потом, я должен успокоить Каролину!..

Через три дня

Уму непостижимо, почему люди, которые могли бы уезжать на зиму из Англии, не делают этого?! Климат тут жуткий. Вообще все ужасно. Квартирные маклеры говорят, что после шумихи в газетах сдать Милл-Хауз практически невозможно. Каролину утихомирить удалось: я посулил ей вдвое увеличить жалованье. В принципе, мы прекрасным образом могли бы ограничиться телеграммой из Канн. Короче, как я и говорил, нам совершенно незачем было приезжать. Завтра же отправляюсь обратно.

Еще через день

Произошло несколько удивительных происшествий. Начать с того, что я встретил в клубе Огастеса Милрея, классического старого осла; дурнее его в нынешнем парламенте нет. Со страшно заговорщическим видом он отвел меня в сторонку и начал разглагольствовать о Южной Африке и о положении в тамошней промышленности. Якобы бродят упорные слухи о забастовке на шахтах Рэнда. Он рассуждал о тайных причинах этой забастовки, а я терпеливо его слушал... насколько вообще было возможно. Наконец он понизил голос и шепотом сообщил, что располагает документами, которые следует передать генералу Сматсу.

- Вы, безусловно, правы, - сказал я, подавляя зевоту.

- Но как передать ему эти документы? Мы оказались в щекотливом положении. В очень щекотливом.

- А чем вам почта не нравится? - весело спросил я. - Наклейте двухпенсовую марку и бросьте письмо в ближайший почтовый ящик.

Мое предложение его шокировало.

- Дорогой Педлер, что вы?! Обычной почтой?!

Для меня всегда было загадкой, почему правительство посылает письма нарочными, привлекая всеобщее внимание к своей секретной переписке.

- Если по почте не годится, пошлите кого-нибудь из молодых людей, работающих в департаменте внешних связей. Он будет рад попутешествовать.

- Нельзя, - возразил Милрей, и голова его старчески затряслась. - У меня есть на то основания, мой дорогой Педлер... уверяю вас, есть!

- Что ж, - вздохнул я, вставая со стула, - все это очень интересно, но мне пора...

– Минуточку, дорогой Педлер, одну минуту, умоляю вас! Скажите откровенно, вы ведь намеревались в ближайшее время поехать в Южную Африку? Я знаю, у вас обширные интересы в Родезии, а значит, вам жизненно важно, чтобы она вступила в Союз африканских государств.

– Вы правы, я рассчитывал отправиться туда примерно через месяц.

– А вы не могли бы выехать раньше? В этом месяце? Точнее, на этой неделе?

– Мог бы. – Я поглядел на него с некоторым любопытством. – Но не понимаю зачем.

– Вы оказали бы правительству большую помощь, просто огромную. И оно... э-э... не осталось бы в долгу.

– То есть вы хотите, чтобы я сыграл роль почтальона?

– Именно так. Вы поедете как частное лицо, по своим делам. Все будет чудесно.

– Хорошо, – медленно молвил я, – не возражаю. Для меня главное – поскорее уехать из Англии.

– Климат в Южной Африке превосходный, просто восхитительный, вот увидите.

– Мой дорогой друг, я отлично знаю, какой там климат. Незадолго до войны я ездил в Южную Африку.

– Я буду вам очень обязан, Педлер. Пакет я пришлю с посыльным. Только отдайте его генералу Сматсу в собственные руки, понятно? «Замок Килморден» отплывает в субботу. Это вполне приличное судно.

Я немного прошелся с ним по улице Пэлл-Мэлл, и мы расстались. На прощание он горячо пожал мне руку и еще раз рассыпался в благодарностях.

Я отправился домой, размышляя о любопытных обходных маневрах нашего правительства.

Вечером следующего дня Джарвис, мой дворецкий, доложил, что меня спрашивает какой-то джентльмен, явившийся по частному делу и отказавшийся назвать свое имя. Я решил, что он страховой агент (которых я терпеть не могу), и велел Джарвису его выпроводить. К сожалению, именно в тот момент, когда от него мог быть прок, Гай Пейджет слег, страдая разлитием желчи. У усердных, трудолюбивых юношей со слабыми желудками часто бывает разлитие желчи.

Джарвис вернулся.

– Джентльмен просил передать вам, сэр Юстас, что он от мистера Милрея.

Это меняло дело. Через пару минут я уже принимал посетителя в своей библиотеке. Передо мной стоял хорошо сложенный молодой человек с очень загорелым лицом. От уголка глаза ко рту тянулся шрам, уродуя лицо, которое в другом случае могло бы показаться красивым, хотя безрассудное выражение его все равно бы портило.

– Итак, чем обязан? – спросил я.

– Меня прислал мистер Милрей, сэр Юстас. Я буду сопровождать вас в Южную Африку в качестве вашего секретаря.

– Мой дорогой, – возразил я, – у меня уже есть секретарь, и другого мне не надо.

– А по-моему, надо, сэр Юстас. Где сейчас ваш секретарь?

– Болен. Страдает разлитием желчи, – пояснил я.

– А вы уверены, что дело именно в этом?

– Конечно. У него часто бывают приступы.

Посетитель усмехнулся.

– Может быть, может быть... Время покажет. Но вот что я скажу, сэр Юстас: мистер Милрей вовсе не будет удивлен, если вдруг окажется, что на вашего секретаря совершено покушение... О нет, вам лично ничего не грозит, – добавил

он, очевидно заметив на моем лице тень беспокойства. – А вот убрав секретаря, можно существенно облегчить доступ к вам. Как бы там ни было, мистер Милрей хочет, чтобы я вас сопровождал. Билет, конечно, мы оплатим сами, но вам придется позаботиться о моем паспорте, сделав вид, что вы намерены воспользоваться услугами второго помощника.

Вид у молодого человека был весьма решительный. Мы долго глядели друг на друга, и он меня «переглядел».

– Хорошо, – еле слышно пролепетал я.

– Никому не говорите, что я вас сопровождаю.

– Хорошо, – повторил я.

В конце концов, может, оно и к лучшему, что этот парень поедет со мной?.. Однако меня не покидает предчувствие, что я ввязываюсь в серьезную авантюру. И как раз тогда, когда мне казалось, что я обрел покой.

Незнакомец собрался уходить, но я его остановил:

– Неплохо было бы узнать, как зовут моего нового секретаря. – В моем голосе звучал сарказм.

Молодой человек подумал и заявил:

– Гарри Рейберн... По-моему, вполне подходящее имя.

Такая манера знакомиться показалась мне довольно своеобразной. Но все же я в третий раз сказал:

– Хорошо.

Анна продолжает свой рассказ

Героине совсем не подобает страдать морской болезнью. В романах чем страшнее качка, тем лучше героиня себя чувствует. Всем вокруг плохо, и лишь она гуляет по палубе, бросая вызов разбушевавшейся стихии и наслаждаясь штормом. С сожалением должна признать, что при первой же волне я побледнела и кинулась вниз, в трюм. Сердобольная горничная отнеслась ко мне очень сочувственно и угостила поджаренным хлебом и имбирным элем.

Три дня я стонала, не вылезая из каюты. Цель путешествия была забыта. Мне уже не хотелось разгадывать тайны. Я была уже не та Анна, которая в восторге примчалась домой из пароходной конторы.

Теперь я с улыбкой вспоминаю свое стремительное появление в гостиной. Миссис Флемминг сидела одна. Она повернула голову на звук моих шагов.

– Это вы, дорогая Анна? Я хочу с вами поговорить.

– Да-да, миссис Флемминг. – Я постаралась обуздать свое нетерпение.

– Мисс Эмери меня покидает. – (Речь шла о гувернантке.) – И поскольку вам так и не удалось подыскать себе место, я подумала... может быть, если вы захотите... вот было бы чудесно, если бы вы остались с нами!

Миссис Флемминг меня очень растрогала. Я прекрасно знала, что не нужна ей. Доброй женщиной двигало чисто христианское милосердие. Мне стало стыдно, что я мысленно критиковала ее. Вскочив со стула, я кинулась к миссис Флемминг и порывисто обняла ее.

– Вы такая милая! – воскликнула я от души. – Милая, чудная, прекрасная! И я вам так благодарна! Но все в порядке. В субботу я отправляюсь в Южную Африку.

Моя порывистость испугала добрую женщину. Она не привыкла к столь внезапному проявлению чувств. А мои слова напугали ее еще больше.

– В Южную Африку?! Анна, дорогая!.. Нам надо серьезно обдумать ваш неожиданный план.

Этого мне только не хватало!.. Я объяснила, что уже взяла билет и намерена устроиться в Южной Африке горничной. В тот момент мне больше ничего не пришло в голову. В Южной Африке, заявила я, огромный спрос на горничных. Я заверила миссис Флемминг, что вполне могу о себе позаботиться, и в конце концов, довольная тем, что меня удастся сбить с рук, она уступила. Расставаясь со мной, миссис Флемминг всучила мне конверт. Я обнаружила в нем пять новеньких, хрустящих пятифунтовых бумажек и записку: «Надеюсь, Вы не обидитесь и примете это. Любящая Вас миссис Флемминг». Она была очень хорошей, великодушной женщиной. Я не могла бы жить с ней под одной крышей, но это отнюдь не умаляет ее достоинств.

И вот с двадцатью пятью фунтами в кармане я отправилась по белу свету в погоне за приключениями.

На четвертый день горничная все же заставила меня вылезти на палубу. До того я отказывалась, считая, что внизу, в трюме, мне скорее придет каюк. Но теперь горничная прельстила меня тем, что мы подплываем к Мадейре. Я воспряла духом. Может, мне удастся сойти с корабля и устроиться на берегу прислужгой? Я бы все сейчас отдала, лишь бы оказаться на суше.

Закутавшись в одеяло и плед и едва держась на ногах, словно новорожденный котенок, я с трудом дотащила с помощью горничной до шезлонга. Легла и закрыла глаза, проклиная свою жизнь. Помощник капитана, светловолосый молодой человек с круглым мальчишеским лицом, подошел и присел возле меня.

– Привет! Я вижу, мы себя очень жалеем, да?

– Да, – с ненавистью ответила я.

– Ничего, через пару дней вы себя не узнаете. В заливе нас порядком помотало, но теперь будет штиль. Давайте завтра поиграем... Знаете такую игру: метание колец в цель?

Я не ответила.

– Вам кажется, что вы никогда не поправитесь, правда? Но я видел людей в гораздо худшем состоянии, а через два дня они уже становились душой

общества. С вами произойдет то же самое.

У меня не хватило агрессивности назвать его в глаза лжецом, но я постаралась выразить это взглядом. Он еще любезно поболтал минут пять и великодушно избавил меня от своего присутствия. Мимо взад и вперед ходили люди, парочки бодро совершали променады, детишки прыгали, молодежь смеялась. А рядом со мной возлежало несколько таких же бледных страдальцев, как и я.

Воздух был чудесный, живительный, не слишком холодный, ярко светило солнце. Я незаметно взбодрилась и начала обращать внимание на людей. Особенно меня заинтересовала дама лет тридцати, среднего роста, яркая блондинка с ямочками на щеках и небесно-голубыми глазами. В ее платьях, с виду совсем обыкновенных, «чувствовалась линия», я сразу поняла, что они выписаны из Парижа. И эта женщина с очаровательным хладнокровием покорила весь корабль!

Официанты носились как угорелые, выполняя ее распоряжения. У нее был свой шезлонг и бесчисленное множество подушек. По три раза на дню она меняла решение, приказывая поставить шезлонг то туда, то сюда... И несмотря ни на что, оставалась привлекательной и милой! Похоже, она была из той редкой породы людей, которые знают, что им нужно от жизни и как этого добиться, не обижая других. Я подумала, что если поправлюсь – хотя надежды, конечно, почти никакой! – то будет забавно поболтать с очаровательной дамой.

Примерно в полдень мы добрались до Мадейры. Я была еще не в состоянии двигаться, однако с удовольствием наблюдала за живописными торговцами, поднявшимися на борт и разложившими на палубе свой товар. Кроме всего прочего, они принесли цветы. Я уткнулась носом в большой букет мокрых фиалок, и мне стало значительно легче. Пожалуй, так я дотяну и до конца путешествия, мелькнула мысль. Когда горничная начала расписывать мне достоинства куриного бульона, я запротестовала, но слабо. Когда же бульон все-таки принесли, с удовольствием его выпила.

Привлекательная женщина побывала на берегу и вернулась в сопровождении высокого темноволосого мужчины с военной выправкой и бронзово-загорелым лицом. Я еще раньше обратила на него внимание, он расхаживал по палубе. Я тут же записала его в сильные, молчаливые родезийцы. Ему было около сорока, волосы на висках чуть тронуты сединой... Положительно, это самый симпатичный мужчина на корабле!

Горничная принесла еще один плед. Я поинтересовалась, не знает ли она, кто сия очаровательная дама.

– Это знаменитая аристократка, миссис Кларенс Блер. Вы, наверно, читали про нее в газетах.

Я кивнула, воззрившись на женщину с удвоенным любопытством. Миссис Блер считалась одной из умнейших женщин современной Англии. Я заметила, что миссис Блер привлекает всеобщее внимание. Несколько человек на моих глазах попытались завязать с ней знакомство, пользуясь тем, что на корабле всегда особая, непринужденная обстановка. И меня восхитило, как вежливо миссис Блер давала им отпор. Похоже, она решила назначить своим кавалером сильного, молчаливого мужчину, и он прекрасно понимал, какая ему выпала честь.

И вот на следующее утро, к вящему моему удивлению, миссис Блер вместе со своим спутником сделала пару кругов по палубе и вдруг подошла ко мне.

– Ну, как вам сегодня, получше?

Я поблагодарила ее и сказала, что сегодня чуть больше похожа на человека.

– Вчера вы выглядели совсем больной. Мы с полковником Рейсом даже решили, что нам посчастливится присутствовать на похоронах в открытом море... Но вы нас разочаровали.

Я рассмеялась.

– Мне помогло то, что я посидела на свежем воздухе.

– Нет ничего лучше свежего воздуха, – улыбаясь, заметил полковник Рейс.

– Да, если сидеть взаперти в душной каюте, это кого хочешь доконает, – заявила миссис Блер, садясь рядом со мной и легким кивком прося своего спутника удалиться. – Надеюсь, у вас не крайняя каюта?

Я покачала головой.

– Моя дорогая! Почему же вы не смените каюту? Тут полно свободного места! На Мадейре сошла уйма пассажиров, и корабль пуст. Поговорите с помощником капитана. Он милый мальчик, переселил меня в прелестную каюту, потому что мне в моей не понравилось. Поговорите с ним за ленчем, когда спуститесь в трюм.

Я вздрогнула:

– Не могу даже пошевелиться.

– Не глупите. Пойдемте прогуляемся.

Она ободряюще улыбнулась, продемонстрировав ямочки на щеках. Сперва ноги у меня подкашивались, но, немного походив назад и вперед в бодром темпе, я почувствовала себя значительно лучше.

Мы сделали пару кругов по палубе, и к нам опять присоединился полковник Рейс.

– С противоположной стороны видна самая высокая гора на острове Тенерифе, – сообщил он.

– Неужели? – воскликнула миссис Блер. – Как вы думаете, может, стоит ее сфотографировать?

– Думаю, нет. Но вас это не остановит.

Миссис Блер расхохоталась:

– Какой вы злой! У меня иногда появляются очень даже неплохие снимки.

– Да, примерно в трех случаях из ста.

Мы перешли на другую сторону. Гора возвышалась, сверкая снежной вершиной, окутанной нежно-розовой дымкой. У меня вырвалось восторженное восклицание. Миссис Блер побежала за фотоаппаратом.

Не обращая внимания на насмешки полковника Рейса, она энергично щелкала затвором.

– Так, вот и последний кадр... Ой! – вдруг с досадой воскликнула она. – Я забыла снять крышку.

– Люблю смотреть, как ребенок забавляется новой игрушкой, – пробормотал полковник Рейс.

– Какой вы ужасный!.. А у меня есть еще одна, запасная!

И миссис Блер торжествующе извлекла из кармана свитера новую фотопленку. Но корабль внезапно качнуло, и, стараясь удержать равновесие, миссис Блер ухватилась за перила. Пленка упала вниз.

– Ой! – в уморительном страхе воскликнула миссис Блер и перегнулась через перила. – Вы думаете, она упала за борт?

– Нет, вам повезло, и вы лишь разmozжили череп незадачливому юнге с нижней палубы.

За всеми этими перипетиями мы не заметили парнишку, который подошел к нам на расстояние нескольких шагов и оглушительно затрубил.

– Ленч! – в экстазе завопила миссис Блер. – У меня после завтрака крошки во рту не было... две чашки бульона не в счет! Как вы относитесь к ленчу, мисс Беддингфелд?

– М-м, – заколебалась я. – Право же, я проголодалась.

– Ну и чудесно! Я заметила, что вы сидите за одним столом с помощником капитана. Закиньте удочку насчет другой каюты.

Я спустилась в трюм, робко поковыряла вилкой еду... и закончила тем, что наелась, как слон. Вчерашний знакомец поздравил меня с выздоровлением. «Да, сегодня все переселяются из одной каюты в другую», – подтвердил он и пообещал, не откладывая, подыскать мне каюту с окном на море.

Кроме него и меня, за столом сидело еще трое: две пожилые дамы и миссионер, который очень много рассуждал о «наших бедных черных братьях».

Я поглядела на другие столики. Миссис Блер отвели место рядом с капитаном. Там же я увидела и полковника Рейса. По другую руку от капитана сидел седовласый мужчина с очень значительным лицом. Прохлаждаясь на палубе, я успела разглядеть многих пассажиров, но один мужчина за капитанским столиком первый раз попался мне на глаза. Я его раньше не видела, это точно, иначе обязательно обратила бы внимание. В облике этого высокого темноволосого человека было что-то такое зловещее, что я невольно содрогнулась и спросила у помощника капитана, как зовут мрачного незнакомца.

– Вон того? А-а, это секретарь сэра Юстаса Педлера. Бедняга ужасно страдал от качки и не выходил из каюты. У сэра Юстаса Педлера два секретаря, и оба плохо переносят качку. Второй парень до сих пор не пришел в себя. А этого зовут Пейджет.

Значит, сэр Юстас Педлер, владелец Милл-Хауза, находится на борту корабля?..

Наверное, это совпадение, но...

– Сэр Юстас, – продолжал мой осведомитель, – сидит рядом с капитаном. Напыщенный старый болван!..

Чем внимательней я рассматривала лицо секретаря, тем меньше оно мне нравилось. Мертвенная бледность, скрытые глаза под тяжелыми веками, странно сплюснутая голова – все вызывало у меня неприязнь, отвращение.

Из салона мы вышли одновременно, я оказалась чуть позади. Пейджет разговаривал с сэром Юстасом, до меня долетали обрывки фраз.

– Так я прямо сейчас выясню насчет другой каюты, да? В вашей работать невозможно, она вся заставлена вещами, – сказал Пейджет.

– Мой дорогой друг, – ответил сэр Юстас, – моя каюта предназначена, во-первых, для отдыха, а во-вторых, для переодевания. И я вовсе не намерен впускать вас туда и терпеть адский стук вашей печатной машинки.

– Вот и я говорю, сэр Юстас: нам нужно место для работы...

Здесь я их покинула и отправилась вниз разузнать про свое переселение. Стюард как раз этим и занимался.

– У меня для вас прекрасная каюта, мисс. На палубе Д. Номер тринадцать.

– О нет! – вскричала я. – Только не тринадцатая!

У меня предубеждение против этого числа. И хотя каюта мне понравилась, я не смогла перешагнуть через суеверие. Чуть не плача, я обратилась к стюарду:

– А другой какой-нибудь нет?

Стюард подумал.

– Вообще-то есть семнадцатая, прямо по правому борту. Сегодня утром она пустовала, но, по-моему, ее уже кому-то пообещали. Однако этот джентльмен еще не перенес туда свои вещи, так что, думаю, он будет согласен и на тринадцатую. Джентльмены не так суеверны, как дамы.

Я с благодарностью восприняла его предложение, и стюард пошел спросить разрешения у помощника капитана. Потом, улыбаясь, вернулся.

– Все в порядке, мисс. Пойдемте.

Стюард привел меня в семнадцатую каюту. Она была меньше тринадцатой, но меня все в ней устраивало.

– Сейчас принесу ваши вещи, мисс, – сказал стюард.

Но тут в дверях вырос мужчина со зловещим лицом. (Так я его прозвала.)

– Извините, но эта каюта забронирована для сэра Юстаса Педлера, – заявил он.

– Мы все уладим, сэр, – поспешил успокоить его стюард. – Сэр Юстас получит взамен тринадцатую каюту.

– Нет, я заказывал семнадцатую!

– Но тринадцатая лучше, сэр. Она просторнее.

– Я специально выбрал семнадцатую, и помощник капитана сказал, что не возражает.

– Очень жаль, – холодно проронила я, – но семнадцатая каюта обещана мне.

– Я не согласен!

В наш спор вмешался стюард:

– Другая каюта ничуть не хуже... даже лучше!

– Но я намерен поселиться в семнадцатой! – твердил мужчина.

– Что тут происходит? – раздался вдруг еще чей-то голос. – Стюард, занесите вещи сюда. Вот моя каюта.

Как выяснилось, голос принадлежал моему соседу по столу, преподобному Эдварду Чичестеру.

– Извините, – возразила я, – но каюта моя.

– Нет, она зарезервирована для сэра Юстаса Педлера! – воскликнул Пейджет.

Обстановка явно накалялась.

– Сожалею, но вынужден с вами не согласиться, – заявил Чичестер с кроткой улыбкой, сквозь которую, однако, проглядывала твердая решимость настоять на своем. Кроткие люди часто бывают большими упрямыми, я это заметила.

Чичестер попытался бочком протиснуться в каюту.

– Вам отвели двадцать восьмую, по левому борту, – сказал стюард. – Прекрасная каюта, сэр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/agata-kristi/chelovek-v-korichnevom-kostyume-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)